

ISBN 978-1-948507-18-9

SCIENTIFIC ELECTRONIC
LIBRARY
LIBRARY.RU

Google
scholar

[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

**LIBRARY OF
CONGRESS (USA)**

**II INTERNATIONAL CORRESPONDENCE
SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE
INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW
OF THE PROBLEMS OF PHILOLOGY,
CULTURAL STUDIES AND ART HISTORY
Boston, USA. April 27-28, 2018**

ISBN 978-1-948507-18-9

UDC 08

**II INTERNATIONAL CORRESPONDENCE
SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE
«INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF
THE PROBLEMS OF PHILOLOGY, CULTURAL
STUDIES AND ART HISTORY»
(Boston. USA. April 27-28, 2018)**

BOSTON. MASSACHUSETTS
PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA
2018

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF THE PROBLEMS OF PHILOLOGY, CULTURAL STUDIES AND ART HISTORY / COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES. II
INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE (Boston, USA, April 27-28, 2018). Boston. 2018**

EDITOR: EMMA MORGAN
TECHNICAL EDITOR: ELIJAH MOORE
COVER DESIGN BY DANIEL WILSON

CHAIRMAN OF THE ORGANIZING COMMITTEE: VALTSEV SERGEI
CONFERENCE ORGANIZING COMMITTEE:

Abdullaev K. (PhD in Economics, Azerbaijan), *Alieva V.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Akbulaev N.* (D.Sc. in Economics, Azerbaijan), *Alikulov S.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Anan'eva E.* (D.Sc. in Philosophy, Ukraine), *Asaturova A.* (PhD in Medicine, Russian Federation), *Askarhodzhaev N.* (PhD in Biological Sc., Republic of Uzbekistan), *Bajtasov R.* (PhD in Agricultural Sc., Belarus), *Bakiko I.* (PhD in Physical Education and Sport, Ukraine), *Bahor T.* (PhD in Philology, Russian Federation), *Baulina M.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Blejh N.* (D.Sc. in Historical Sc., PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Bobrova N.A.* (Doctor of Laws, Russian Federation), *Bogomolov A.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Borodaj V.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Volkov A.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Gavrilenkova I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Garagonich V.* (D.Sc. in Historical Sc., Ukraine), *Glushhenko A.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Grinchenko V.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Gubareva T.* (PhD Laws, Russian Federation), *Gutnikova A.* (PhD in Philology, Ukraine), *Datij A.* (Doctor of Medicine, Russian Federation), *Demchuk N.* (PhD in Economics, Ukraine), *Divnenko O.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Dmitrieva O.A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Dolenko G.* (D.Sc. in Chemistry, Russian Federation), *Esenova K.* (D.Sc. in Philology, Kazakhstan), *Zhamuldinov V.* (PhD Laws, Kazakhstan), *Zholdoshev S.* (Doctor of Medicine, Republic of Kyrgyzstan), *Ibadov R.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Republic of Uzbekistan), *Il'inskih N.* (D.Sc. Biological, Russian Federation), *Kajrakbaev A.* (PhD in Physical and Mathematical Sciences, Kazakhstan), *Kaftaeva M.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Koblanov Zh.* (PhD in Philology, Kazakhstan), *Koval'ov M.* (PhD in Economics, Belarus), *Kravcova T.* (PhD in Psychology, Kazakhstan), *Kuz'min S.* (D.Sc. in Geography, Russian Federation), *Kulikova E.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Kurmanbaeva M.* (D.Sc. Biological, Kazakhstan), *Kurpajanidi K.* (PhD in Economics, Republic of Uzbekistan), *Linkova-Daniels N.* (PhD in Pedagogic Sc., Australia), *Lukienko L.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Makarov A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Macarenko T.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Meimanov B.* (D.Sc. in Economics, Republic of Kyrgyzstan), *Muradov Sh.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Nabiev A.* (D.Sc. in Geoinformatics, Azerbaijan), *Nazarov R.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Naumov V.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Ovchinnikov Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Petrov V.* (D.Arts, Russian Federation), *Radkevich M.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Rakhimbekov S.* (D.Sc. in Engineering, Kazakhstan), *Rozyhodzhaeva G.* (Doctor of Medicine, Republic of Uzbekistan), *Romanenkova Yu.* (D.Arts, Ukraine), *Rubcova M.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Rumyantsev D.* (D.Sc. in Biological Sc., Russian Federation), *Samkov A.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *San'kov P.* (PhD in Engineering, Ukraine), *Selitretnikova T.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sibircev V.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Skipko T.* (D.Sc. in Economics, Ukraine), *Sopov A.* (D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Strekalov V.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Stukalenko N.M.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Kazakhstan), *Subachev Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Sulejmanov S.* (PhD in Medicine, Republic of Uzbekistan), *Tregub I.* (D.Sc. in Economics, PhD in Engineering, Russian Federation), *Uporov I.* (PhD Laws, D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Fedos'kina L.* (PhD in Economics, Russian Federation), *Khiltukhina E.* (D.Sc. in Philosophy, Russian Federation), *Cuculjan S.* (PhD in Economics, Republic of Armenia), *Chiladze G.* (Doctor of Laws, Georgia), *Shamshina I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sharipov M.* (PhD in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Shevko D.* (PhD in Engineering, Russian Federation).

PROBLEMS OF SCIENCE
PUBLISHED WITH THE ASSISTANCE OF NON-PROFIT ORGANIZATION
«INSTITUTE OF NATIONAL IDEOLOGY»
VENUE OF THE CONFERENCE:
1 AVENUE DE LAFAYETTE, BOSTON, MA 02111, UNITED STATES
TEL. OF THE ORGANIZER OF THE CONFERENCE: +1 617 463 9319 (USA, BOSTON)
THE CONFERENCE WEBSITE:
[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.en>

Содержание

LITERARY STUDIES.....	4
<i>Kairbekova M.K., Yeskendirova S.K. (Republic of Kazakhstan) CLIP THINKING AND WAYS TO PREVENT IT / Каирбекова М.К., Ескендинова С.К. (Республика Казахстан) КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И СПОСОБЫ БОРЬБЫ С НИМ</i>	<i>4</i>
<i>Pushkina V.A. (Russian Federation) PARADOX OF THE THREE HORSES HARNESSSED ABREAST: WHERE YOU RUSH? / Пушкина В.А. (Российская Федерация) ПАРАДОКС ТРОЙКИ: КУДА Ж НЕСЁШЬСЯ ТЫ?</i>	<i>10</i>
THEORY AND HISTORY OF CULTURE.....	13
<i>Donbayeva A.B., Tanabayeva G.U., Zhamasheva Zh.R., Daribayeva A.A., Anartayeva G.U. (Republic of Kazakhstan) THE NOTION OF HIGH-CONTEXT AND LOW-CONTEXT CULTURES / Донбаева А.Б., Танабаева Г.У., Жамашева Ж.Р., Дарибаева А.А., Анартаева Г.У. (Республика Казахстан) ПОНЯТИЕ КУЛЬТУР С ВЫСОКИМ И НИЗКИМ КОНТЕКСТОМ.....</i>	<i>13</i>
<i>Khripunkova O.V. (Russian Federation) HISTORICAL NOVELS OF D.S. MEREZHKOVSKY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE OF THE SILVER AGE / Хрипункова О.В. (Российская Федерация) ИСТОРИЧЕСКАЯ РОМАНИСТИКА Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА</i>	<i>19</i>

CLIP THINKING AND WAYS TO PREVENT IT

Kairbekova M.K.¹, Yeskendirowa S.K.² (Republic of Kazakhstan)

Email: Kairbekova52@scientifictext.ru

¹Kairbekova Makhabbat Kaiyrbekovna - English Teacher,

HUMANITARIAN-PEDAGOGICAL DEPARTMENT,

ABAI MYRZAKHMETOV KOKSHETAU UNIVERSITY, KOKSHETAU;

²Yeskendirowa Saule Kaiyrbekovna - Master of Arts in Foreign Philology, Teacher,

REGIONAL SPECIALIZED BOARDING SCHOOL FOR GIFTED CHILDREN № 2, ASTANA,
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract: *in this article the concept of 'clip thinking' is being considered as one the problems of the modern educational process. Also, the authors study positive and negative sides of clip thinking, its possible effect on people. The authors suggest ways to hold clip thinking through methods of critical and creative thinking, active learning strategies based on the example of school and university practice. The authors consider some forms and methods of teaching which in their opinion contribute to better learning, increase students' motivation in the subject being studied and have a positive (favorable) effect on the learning process as a whole. Thus, the educational-cognitive process goes to a qualitatively new level, which is the ultimate goal in the fight against clip thinking.*

Keywords: clip thinking, memory, critical thinking, creative thinking, active learning strategies, games, TIRT.

КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И СПОСОБЫ БОРЬБЫ С НИМ

Каирбекова М.К.¹, Ескендиrowa С.К.² (Республика Казахстан)

¹Каирбекова Махаббат Кайырбековна - преподаватель английского языка,

гуманитарно-педагогическое отделение,

Кокишетауский университет им. Абая Мырзахметова, г. Кокишетау;

²Ескендиrowa Сауле Кайырбековна - магистр гуманитарных наук в области иностранной филологии, учитель английского языка,

Областная специализированная школа-интернат № 2 для одаренных детей, г. Астана
Республика Казахстан

Аннотация: *в данной статье рассматривается понятие клиповое мышление как одна из проблем современного образовательного процесса. Также авторы раскрывают положительные и отрицательные стороны данного типа мышления, его возможные последствия. Авторы предлагают способы борьбы с клиповым мышлением через методы критического и креативного мышления, стратегии активного обучения на примере школьной и вузовской практики. Авторы рассматривают некоторые формы и методы обучения, которые, согласно их мнению, способствуют более качественному усвоению учебного материала, повышают мотивацию учащихся к изучаемому предмету и оказывают позитивное (благоприятное) влияние на процесс обучения в целом. Таким образом, учебно-познавательный процесс переходит на качественно новый уровень, что является конечной целью в борьбе с клиповым мышлением.*

Ключевые слова: клиповое мышление, память, критическое мышление, креативное мышление, стратегии активного обучения, игры, ТРИЗ.

Когда мы слышим слово «клип», образ, возникающий в нашем сознании, мы непременно связываем с музыкой или видео, и это вполне закономерно, так как в переводе с английского языка «clip» означает – «отсечение; вырезка (из газеты); отрывок (из фильма), нарезка». Данное понятие вызывает у человека ассоциацию с музыкальным видеороликом, где видеоряд представлен в виде образов, слабо или вовсе не связанных между собой. Клиповое мышление (мировоззрение) строится аналогично музыкальному клипу, когда человек воспринимает мир не целостно, а как череду не связанных между собой фактов и событий, которые быстро сменяют друг друга.

Клиповое мышление - это проблема, с которой сталкивается каждый участник образовательного процесса: будь то школьный учитель или преподаватель ВУЗа, школьник или студент. Термин впервые появился в зарубежной философско-психологической литературе в конце 90-х гг. XX в. и обозначал особенность мышления человека воспринимать мир посредством коротких, ярких образов в виде теленовостей или видеоклипа [1].

Следует отметить, что именно СМИ, а не социальные сети выработали универсальный формат подачи информации - так называемую последовательность актуальных клипов. Посредством коротких тезисов, без определения контекста, в сопровождении яркого образа, человек воспринимает и интерпретирует клип фрагментарно, так как мозг не способен осознать и постигать связи между событиями. Таким образом мозг совершает фундаментальную ошибку осмысления - считает события связанными, так как последние имеют временную близость, а не фактологическую. Следовательно, клиповое мышление - это реакция мозга на возросший объем информации.

Подтверждение сказанного можно найти в теории этапов развития цивилизации М. Маклюэна: «...общество, находясь на современном этапе развития, трансформируется в «электронное общество» или «глобальную деревню» и задает, посредством электронных средств коммуникации, многомерное восприятие мира. Развитие электронных средств коммуникации возвращает человеческое мышление к дотекстовой эпохе, и линейная последовательность знаков перестаёт быть базой культуры» [2, с. 86].

В зарубежной литературе термин «клиповое мышление» более известен как «клиповая культура», описанная в работах американского футуролога Э. Тоффлера как новое явление, которое основано на бесконечном мелькании информационных отрезков. Клиповая культура рассматривается в качестве составляющей информационной культуры будущего и комфортно для людей определенного склада ума. В своей книге «Третья волна» Э. Тоффлер описывает клиповую культуру следующим образом: «...на личностном уровне нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, обстреливают нас разорванными, лишенными смысла «клипами», мгновенными кадрами» [3, с. 160].

Клиповая культура обеспечивает формирование новой формы восприятия «зеппинг» (англ. zapping, channel zapping — практика переключения каналов телевизора), когда путем непрерывного переключения каналов телевидения создается новый образ, состоящий из обрывков информации. Эти образы не

требуют подключения воображения, осмысления, рефлексии, поскольку происходит «перезагрузка» мозга, бесконечное обновление информации, когда ранее увиденное (но неосмысленное!) быстро устаревает и утрачивает свое значение. Учитывая популярность социальных сетей, таких как Instagram, vk, Facebook и другие, современный человек, будучи перегруженным информационным потоком не в состоянии что-либо воспринимать целостно. Во главе данного способа размещения информации лежит мгновенная реакция читателя - оставить пост, поставить лайк, перепостить, написать короткий коммент и прочее. Как видим, здесь нет анализа и осмысления - основных процессов мышления, обеспечивающих формирование картины мира.

Российский культуролог К.Г. Фрумкин выделяет 5 предпосылок, которые, по его мнению, породили клиповое мышление:

1. Ускорение темпов жизни и возрастание объема информационного потока, что в свою очередь делает отбор и сокращение информации достаточно проблематичным.

2. Потребность в большей актуальности информации и скорости ее поступления.

3. Увеличение разнообразия информации.

4. Многозадачность (занятие несколькими делами одновременно).

5. Рост диалогичности на разных уровнях социальной системы.

В настоящее время, термин клиповое мышление имеет негативную коннотацию, и считается, что чаще всего им «страдает» молодое поколение: школьники и студенты. Действительно, «заставить» ребенка прочитать «Кочевники» И. Есинберлина, «Войну и Мир» Л. Толстого или выучить стихотворение практически невозможно, «Да и зачем?» спросит школьник или студент, когда можно посмотреть экранизацию романа, прочитать мнение критиков или скачать готовое сочинение в интернете.

Отметим, что данное явление имеет как положительные, так и отрицательные стороны, которые так или иначе способствуют или препятствуют нормальной работе мозга (см. Таблицу 1).

Таблица 1. «+» и «-» клипового мышления

+	-
Защитная реакция организма на информационную перегрузку	Мозаика разрозненных фактов, осколков информации
Придает динамизм когнитивной деятельности	Упрощает, забирает прочность, глубину усвоения материала
Короткие мысли порой наталкивают человека на анализ и осмысление	Теряется способность к анализу, выстраиванию длинных логических цепочек

Несмотря на то, что картина мира превращается в мозаику разрозненных фактов, мало связанных между собой, когда сознание требует постоянной смены деятельности, к примеру, слушать новую музыку, общаться в чате, играть онлайн игры с новыми участниками, редактировать фотографии, бесконечно бродить по интернету - все это защитная реакция организма, где мышление адаптируется к новому миру.

Данный список можно продолжить, однако следует отметить, что клиповое мышление - это развитие одних когнитивных навыков за счет других. Этот тип

мышления, согласно Ларри Розену, присущ поколению «I» и «Digital generation», воспитанных и живущих в эпоху цифровизации информации, где последние способны к многозадачности [5, с. 104]. Способность слушать музыку, общаться в чате, редактировать фотографии, делать уроки - есть многозадачность современных школьников и студентов, где платой служит низкое качество выполняемой работы, отсутствие глубины познания, рассеянность, забывчивость, дефицит внимания, гиперактивность, предпочтение визуальных символов логике и углублению в текст.

Почему мы решили «бороться» с клиповым мышлением, ведь оно, казалось бы, не так уж и плохое? На самом деле, если заглянуть глубже, мы увидим, что последствия клипового мышления довольно серьезные, а именно:

- ❧ Снижение концентрации на более длительное время;
- ❧ Ухудшение внимания и памяти;
- ❧ Ухудшение аналитических способностей;
- ❧ Уровень успеваемости падает, следовательно снижается коэффициент успеваемости;
- ❧ Люди с клиповым мышлением легко поддаются манипуляции и влиянию;
- ❧ Ослабление чувства сопереживания.

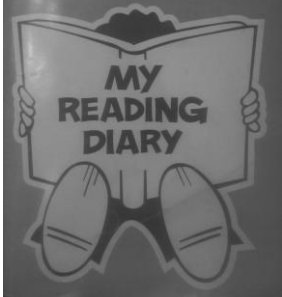
Для того чтобы повысить мотивацию и активировать познавательную деятельность обучающихся на занятиях английского языка, улучшить внимание, память, аналитические способности, усилить чувство сопереживания, отстаивать собственное мнение и «Я» - мы применяем ряд методов и приемов креативного и критического мышления, игры и стратегии активного обучения ТРИЗ.

Для работы над произношением мы прибегаем к следующим играм и activity: Spelling challenge (правописание в тетради), Spelling bee (игра-соревнование на правописание), Pronunciation bee (игра-соревнование на правильное произношение), Error marathon (марафон ошибок), Error clinic.

Для работы с лексикой мы применяем стратегии активного обучения и ТРИЗ: Word wall (стена слов), A puzzle of a day (загадка дня), Crunch paper (сломанная бумага), Running dictation (бегающий диктант), Odd one out (лишнее слово), Association line (ассоциативный ряд), Focal object (фокальный объект), Circles in the water (Круги по воде), Linguistic dictation (Лингвистический диктант) и другие.

Для работы с текстом (чтение, говорение, аудирование) мы применяем: Reading diary (Дневник чтения), Draw and Talk (Нарисуй и Расскажи), Book/story Review (Обзор книги/истории), How does it End? (Как это заканчивается?), Project work (Проектная работа), A quotation of a Day (Цитата дня), Reading week (Неделя чтения), Matching (Сопоставление), Prediction tree (Дерево предсказаний), Passport (Паспорт) (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Виды работ

Reading diary- после прочтения книги или рассказа, обучающие пишут свое мнение. Кроме того, они заносят имя автора и название произведения, новые слова и ставят рейтинг.		<table><tr><td>Title Author</td><td>«A Body in the Library» Agatha Christie</td></tr><tr><td>Comments</td><td>I like this detective story, because.....</td></tr><tr><td>Rating</td><td>+++</td></tr><tr><td>New words</td><td>Murder, alibi, inherit, sheriff, dinner party</td></tr></table>		Title Author	«A Body in the Library» Agatha Christie	Comments	I like this detective story, because.....	Rating	+++	New words	Murder, alibi, inherit, sheriff, dinner party
Title Author	«A Body in the Library» Agatha Christie										
Comments	I like this detective story, because.....										
Rating	+++										
New words	Murder, alibi, inherit, sheriff, dinner party										
Prediction Tree- обучающие делают предположения (устно, письменно) о том, что произойдет дальше.	‘Bleak House’ by Charles Dickens, Chapter3 Esther’s story What will happen if Lady Dedlock’s secret become known to the whole London?	☞ She’ll be disgraced- she’ll loose her place in society- She CARES about her husband’s reputation. ☞ She’ll try to escape- ... ☞ She’ll live happily with her daughter somewhere in the countryside- ...									
Passport- учащиеся заполняют данные героев в паспорте (обучающие могут дополнять, изменять данные на свое усмотрение).	☞ Name ☞ Birth details ☞ Family ☞ Address ☞ Appearance ☞ Character ☞ Friends ☞ Enemies ☞ Occupation	☞ Oliver Twist ☞ Born in the workhouse ☞ Mother died, father- unknown ☞ Ch. Dickens’ novel “The adventures of Oliver Twist” ☞ Pale and thin 9-year-old boy ☞ Kind, honest, sensitive, brave ☞ Nancy, Mr. Brownlow, Rose ☞ Fagin, Monks, Bill Sikes, Noah ☞ Workhouse, Coffin-maker’s shop, Fagin’s gang									
Project work- обучающиеся выбирают формат презентации, далее выбирают одну из предложенных тем или предлагают свою тему и после выбирают предмет области. Таким образом, мы даем им возможность выбора проекта, согласно их способностям и предпочтениям.	❖ Выберите формат: Флип-чарт, презентация, рассказ, газетная статья, 3D модель, диалог, интервью. ❖ Выберите тему ❖ Выберите предмет области: История, экономика, география, наука (физика, химия, биология), литература и т.д.	1 группа- презентация (слайд шоу) 2 группа- интервью с известной личностью 1 группа-Water shortage in South Kazakhstan 2 группа-Donation in Kazakhstan 1 группа-география, экономика 2 группа- культура, экономика, история ++ Мы привели возможные варианты выполнения проекта. Иногда обучающиеся могут выбрать и раскрыть несколько предметных областей.									
Error clinic- ошибки выделяются, и на полях дается код ошибки. Обучающие находят, исправляют ошибки.	Clariss has a bother and the sister. Her sister is a chief nurse and she helps sick persons in a local state hospital 5 days: on Monday to friday.	Wf (wrong form)_ A (Article) sp (spelling) ww (wrong word) prep (preposition) p (punctuation)	She <u>has</u> a bother and <u>a</u> sister. Her sister is a <u>nurse</u> and helps sick <u>people</u> in a local state hospital 5 days: <u>from</u> Monday to <u>Friday</u> .								

Из вышеизложенного следует, что, несмотря на существующие плюсы и минусы, клиповое мышление — это неизбежное явление в отношении человека с информацией в современном мире, где обучающимся приходится адаптироваться и приспосабливаться к нему. А учителя и преподаватели в свою очередь подбирают такие виды и формы работы на занятиях, которые способны предотвратить возможные последствия клипового мышления.

Список литературы / References

1. *Азаренок Н.В.* Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире. // Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна «Психология человека в современном мире». Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений. / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 110-112.
2. *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего (The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man). М.: Академический проект, 2005. 496 с.
3. *Тоффлер Э.* Шок будущего: пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 557 с.
4. *Фрумкин К.Г.* Клиповое мышление и судьба линейного текста. // Ineternum, 2010. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nounivers.narod.ru/pub/kf_clip.htm от 02.01.2012/ (дата обращения: 28.04.2018).
5. *Rosen L.* Me, MySpace and I: Parenting the Net Generation. N.Y., 2007. 258 с.

**PARADOX OF THE THREE HORSES HARNESSSED
ABREAST: WHERE YOU RUSH?
Pushkina V.A. (Russian Federation)
Email: Pushkina52@scientifictext.ru**

*Pushkina Valentina Alexandrovna – Bachelor,
DEPARTMENT OF LITERATURE, FACULTY OF PHILOLOGY AND JOURNALISTIC,
ASTRAKHAN STATE UNIVERSITY, ASTRAKHAN*

Abstract: *this article lights N. V. Gogol's relation to Russia from a position of his messianic outlook. Separate lyrical digressions in the poem "Dead Souls" in comparison with early works of the writer are considered. Transformation of the leading motives and images in his creativity and their representation in "Dead souls" is analyzed.*

Keywords: *motive of a look, motive of a driving, N.V. Gogol, image of Russia, bird three.*

**ПАРАДОКС ТРОЙКИ: КУДА Ж НЕСЁШЬСЯ ТЫ?
Пушкина В.А. (Российская Федерация)**

*Пушкина Валентина Александровна – бакалавр,
кафедра литературы, факультет филологии и журналистики,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань*

Аннотация: *данная статья освещает отношение Н.В. Гоголя к России с позиции его мессианского мировоззрения. Рассматриваются отдельные лирические отступления в поэме «Мёртвые души» в сравнении с ранними произведениями писателя. Анализируется трансформация ведущих мотивов и образов в его творчестве и их представление в «Мёртвых душах».*

Ключевые слова: *мотив взгляда, мотив езды, Н.В. Гоголь, образ России, птица тройка.*

Трактовка образа России в поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души» стала предметом споров критиков. Ещё В.Г. Белинский признавался, что при чтении лирических отступлений он ощутил «эти гремящие, поющие дифирамбы блаженствующего в себе национального самосознания, достойные великого русского поэта...» [1, с. 403]. Россия Н.В. Гоголя – «страна мессианская, призванная распространить по всему миру Свет Христова Просвещения» [5, с. 17], а русские люди – самые религиозные в мире. Он видел спасение Руси в глубокой вере, молитвах и проповедях. В.Г. Белинский опровергал идеи Гоголя, объясняя свою позицию тем, что писатель долгие годы жил в «прекрасном далёке», откуда «легче всего видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть».

Дело в том, что важную часть жизни Гоголь провёл в Риме. Такой выбор писателя объяснялся критиками не столько с позиции религиозной мотивации, сколько с эстетической. К.В. Мочульский, замечал, что «римская эпоха» – «история медленной влюбленности Гоголя в Рим и погружения души в чистый эстетизм» [5, с. 21]. Но из этого «прекрасного далёка» писатель видел очертания будущего. Рим дал Гоголю особое мессианское восприятие мира в целом и России в частности.

В «Мёртвых душах» Гоголь как бы смотрит на жизнь русского народа со стороны. Лирические отступления помогают воссоздать образ самой Руси в сознании автора.

Россия для Гоголя невообразимо величественна, возвышенна, громадна: «Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?... И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством» [3, с. 221]. Русь очаровывает повествователя до такой степени, что её воздействие парализует даже его ум. Гоголь возвышает Русь, неслучайно он использует слово «очи» вместо нейтрального синонима «глаза». Мотив такого пристального, завораживающего взгляда, как правило, сопровождает встречу героев с нечистой силой. Образ открытых глаз прослеживается, например, в «Страшной мести»: «Вмиг умер колдун и открыл после смерти очи. Но уже был мертвец и глядел как мертвец. Так страшно не глядит ни живой, ни воскресший» [2, с. 278]. Этот страшный взгляд колдуна похож на взгляд России, которая овладевает сознанием автора, заставляет его тело и мысли оставаться неподвижными.

Данное наблюдение даёт нам основания соотносить гоголевскую Русь с демоническими образами раннего творчества писателя. И.Д. Ермаков считает, что всё связанное с глазами у Гоголя отличается страхом и ужасом [2, с. 49]. Люди с давних времён верили, что глаза являются зеркалом души, в них отражен весь внутренний мир человека. Так что же за душа у Руси? Как понимает её Гоголь? Дьявольская в ней сила или божественная? Обратимся к другому отступлению.

Образ Руси динамичен: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? <...> Дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богом» [3, с. 247]. Тройка сокрушает препятствия: «Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение?» [3, с. 247]. На наш взгляд, этот фрагмент можно сопоставить с отрывком из «Ночи перед Рождеством», в котором чёрт, приземлившись вместе с наездником, «оборотился в коня» [2, с. 232] и стал «лихим бегуном» [2, с. 232]. Характер описаний скакуна очень схож с изображением коней, олицетворяющих тройку: «Боже мой! стук, гром, блеск... стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон... мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали; снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами, униженными площадками, и огромные тени их мелькали по стенам, досягая головою труб и крыш» [2, с. 232]. В обеих характеристиках отмечаются мотивы грома, шума, молнии, которые соотносятся с легендами боя Бога и сатаны.

Но в тексте лирического отступления однозначно сказано, что Русь «мчится, вся вдохновенная Богом». Здесь автор озадачивает читателя, рассчитывая на сотворчество. Гоголь, возможно, и сам затрудняется в точном определении образа великой и могучей тройки, поэтому вводит в заблуждение читателей и критиков. Не случайно Чичиков, отнюдь не самый положительный (на тот момент, во всяком случае) герой, едет в тройке, будто «неведомая сила подхватила на крыло к себе...» [3, с. 247]. Так и Русь мчится, словно она «неведомая сила». Чичиков любит быструю езду, и Русь, «что бойкая необгонимая тройка» движется. Чичиков на конях скачет неизвестно куда. И его Родина «не дает ответа», куда несется. Полтора

века прошло от выхода поэмы в свет до нашего времени, а Русь так и «мчится, вся вдохновенная Богом!» Может быть, отзовётся эхо её, и мы узнаем, куда.

Список литературы / References

1. *Белинский В.Г.* Похождения Чичикова или Мертвые души // Н.В. Гоголь в русской критике / Подгот. текста А.К. Котов и М.Я. Поляков. М.: ГИХЛ, 1953. С. 363–404.
2. *Гоголь Н.В.* Ночь перед Рождеством. М.: Художественная литература, 1984.
3. *Гоголь Н.В.* Мёртвые души // Гоголь Н.В. Полное собр. соч.: В 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6. С. 221–247.
4. *Ермаков И.Д.* Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя. М. Пг.: Госиздат, 1924.
5. *Мочульский К.В.* Духовный путь Гоголя. Париж: YMCA-press. Сор, 1976.

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

THE NOTION OF HIGH-CONTEXT AND LOW-CONTEXT CULTURES

**Donbayeva A.B.¹, Tanabayeva G.U.², Zhamasheva Zh.R.³,
Daribayeva A.A.⁴, Anartayeva G.U.⁵ (Republic of Kazakhstan)
Email: Donbayeva52@scientifictext.ru**

¹Donbayeva Aynur Beketovna - Candidate of Philology Sciences, Associate Professor;

²Tanabayeva Gulzira Umirtayevna - Candidate of Philology Sciences, Associate Professor;

³Zhamasheva Zhanara Rahmatullayevna - Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor,
DEPARTMENT OF STATE LANGUAGE TEACHING, FACULTY OF PHILOLOGY;

⁴Daribayeva Anarkul Auelbekovna - Master Degree of Humanities;

⁵Anartayeva Gulnara Ulasbekovna - Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor,
DEPARTMENT OF RUSSIAN FOR TECHNICAL SPECIALTIES,
FACULTY OF BUILDING AND TRANSPORT,
SOUTH KAZAKHSTAN STATE UNIVERSITY NAME OF M. AUEZOV,
SHYMKENT, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract: the article deals with the notion of high and low context cultures in which the context is implicitly mentioned in the message, the messages themselves can be elliptical, indirect and allusive. This is referred to high-context cultures. In cultures in which context is not assumed to be understood, messages are explicit, direct and completely encoded in words (verbal; direct). This describes low-context cultures, in which the meaning is trusted almost entirely to words.

Keywords: culture, context, message, elliptical, allusive, indirect, low context.

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУР С ВЫСОКИМ И НИЗКИМ КОНТЕКСТОМ

**Донбаева А.Б.¹, Танабаева Г.У.², Жамашева Ж.Р.³,
Дарибаева А.А.⁴, Анартаева Г.У.⁵ (Республика Казахстан)**

¹Донбаева Айну́р Бекетовна – кандидат филологических наук, доцент;

²Танабаева Гульзира Умиртаевна – кандидат филологических наук, доцент;

³Жамашева Жанар Рахматуллаевна – кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра обучения государственному языку, факультет филологии;

⁴Дарибаева Анарку́л Ауелбековна – магистр гуманитарных наук;

⁵Анартаева Гульна́ра Уласбековна - кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра русского языка для технических специальностей,
факультет строительства и транспорта,

Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова,
г. Шымкент, Республика Казахстан

Аннотация: в статье рассматривается понятие культур с высоким и низким контекстом, в которых контекст неявно упоминается в сообщении, сами сообщения могут быть эллиптическими, косвенными и аллюзивными. Это относится к культурам с высоким контекстом. В культурах, в которых контекст не предполагается понятным, сообщения являются явными, прямыми и полностью

закодированными словами (вербальными, прямыми). Это описывает низкоконтекстные культуры, в которых смысл почти полностью доверяет словам. **Ключевые слова:** культура, контекст, сообщение, эллиптический, аллюзивный, косвенный, низкий контекст.

Communication is fundamental in business, because business is a collaborative activity. Communication styles vary enormously around the world, and these contribute to a staggering variety of business styles.

Edward Hill initiated the approach to cultures, distinguishing among them cultures on the basis of the role of context in communication. High context cultures rely on context, either the actual physical environment or an internalized social context or both.

High-context cultures, in which the context of the message is well understood by both sender and receiver, one should use the context to communicate the message.

Probably the single most useful concept for understanding cultural differences in business communication is Edward T. Hall's distinction of low-context and high-context cultures. It explains much about how negotiation proceeds, how agreements are specified, and how workers are managed. It is best understood as reflecting a more fundamental distinction between *rule-based* and *relationship-based* cultures, which is in turn grounded in different conceptions of human nature. It is important to show how business practices reflect low-context and high-context characteristics, but it subsequently moves to the deeper levels to explore how communication styles are integrally related to other characteristics of the culture [1].

In high-context communication, the message cannot be understood without a great deal of background information. Low-context communication spells out more of the information explicitly in the message.

In his book *Beyond culture*, Hall divided all cultures into high-context or low-context cultures. He maintained that all behaviour, including verbal and non-verbal communication, was either affected by the cultural context (high-context) or minimally affected by such context (low-context). Americans, Australians, the British, Scandinavians, Swiss and Germans all come from low-context cultures; they react directly to verbal and non-verbal messages. However, for people from Mediterranean, Korean, Vietnamese, Japanese, Chinese, Middle Eastern and Latin American cultures, the context of the message is just as important as, and in some cases more important than, the message itself. Some researchers have said that Hall's two categories are really a continuum of context and there are middle-of-the-road cultures that seem to fit both high- and low-context definitions. High- and low-context cultures differ in their approaches to power hierarchies, social relationships, work ethics, business practices and time management. The dominant values of high- and low-context cultures are significantly diverse and may be the source of many intercultural problems and conflict [2].

Knowledge of high- and low-context cultures is important to our understanding of how culture can influence one's own and other people's style of communication. For example, the dominant style of communication in the low-context culture has the following characteristics:

The vast majority of information is explicitly stated; for example, an apology needs to be clearly articulated. In a high-context culture the same message can be communicated through a variety of non-verbal gestures, such as a smile, a sigh, a shrug or a frown.

Directness and openness, with some degree of freedom of emotional expression. Spontaneity and casualness characterize informal relationships. Within this context,

successful communication mainly requires an understanding of the explicit norms of behavior. In such low-context cultures, success also requires knowledge of implicit norms and expectations.

Polite questioning of the boss or authority figures suggests one is perceptive, has personal power and may help bring about change. Independence, self-determination, and personal confidence are highly prized whatever the level of employment.

Non-verbal communication cues such as posture, gestures and facial expressions are very useful communication tools and are encouraged. For example, eye contact is perceived to be important in validating recognition and communicating interest. It is also seen as assertive and shows that one has nothing to hide. The exact opposite is true of high-context cultures where expressions of emotion are often hidden from view.

The theory of high and low-context is also applicable to online communication; this may explain why information technologies are problematic for some cultures. Low-context cultures do not usually use social contexts as a way of determining the most appropriate way of replying to messages. But in high-context cultures the context conveys as much information as, or even more than, the exact meaning of the message being discussed. When we receive an email message, we are not usually looking for context. The identities of other participants are almost unimportant, compared to their words—argument, ideas and prose style are more important than who they are. This is exactly the opposite approach to that of someone from a high-context culture, whose whole upbringing requires a clear, clear-cut social structure in order for any communication to occur. Without the context, the high-context person is lost for words [3].

The use of language has other problems. Given that language informative or a relationship function, what happens when CMC is used with a foreign colleague who is attuned to the social functions of the language, not the information provided. Westerners do not normally ask about family and health in business meetings or professional online communication. They tend to get to the point very quickly, express our individual viewpoints, and expect a prompt reply that affirms or contradicts our conclusions. Westerners do not expect their local colleagues to talk about the weather, their health or their fathers' or mothers' well-being.

The development of a high level of linguistic competence, though fundamental for intercultural communication, cannot be believed sufficient. In fact, it has been observed that, when non-native speakers are able to display a near-native level of competence in the target language, there is also an implicit expectation that they will behave according to the sociocultural norms observed by the native speakers of that language. If this does not happen, native speakers will tend to consider the resulting failure in communication as a deliberate act of the non-native speaker, rather than as an honest mistake [4].

Business communication styles can differ markedly even among rule-based cultures, and similarly among relationship-based cultures. Consider, for example, a typical business presentation in which the speaker is trying to attract funding for a business venture. The presentation would have a very different character in the United States than in Germany, even though both countries have strongly rule-based cultures. The American speaker begins with a small joke to *"break the ice,"* while this is inappropriate in Germany. Germans wish to be reassured by the professionalism and seriousness of the speaker. Humor suggests casualness that might translate into an irresponsible undertaking. The American's slides contain flashy visuals with such phrases as *"fantastic opportunity,"* which strikes the Germans as childish [5]. They prefer graphs and charts to reassure them that proper market research has been conducted. The desire for security and predictability

go far beyond the business meeting. Germans pay a premium for high-quality products that are less likely to break down, and they invest heavily in a highly-engineering physical and social infrastructure on which they can rely. Western Europeans make much of their different styles, but one should see them as variations on low-context, logic-based communication. It is true that the British are normally reserved and understated, while the French gave us the very word *frank* (which refers to the Franks, an old word for the French). Yet British can deliver a devastating comment with scarcely an inflection of the voice. The situation changes somewhat as one moves east. Russian society, for example, is essentially rule-based, but business partners may find it more important to feel comfortable with each other than to get the financials right. Business people from abroad should be particularly cognizant of this, due to the uncertainty-avoiding culture and the tendency of Russians to feel apprehensive about foreigners. Arabic-speaking countries today, particularly in Saudi Arabia and the Gulf region. Warm personal greetings and ceaseless courtesy are a must in business dealings. It is a never a bad idea to preface one's remarks with some such nicety as, "*Thank you for your comments,*" or, "*I learned much from your report.*" An impractical proposal or a questionable statement should be ignored or smoothed over, so that no one appears foolish. The goal is to protect the male ego. Flattery that strikes Westerners as obsequious is perfectly appropriate, particularly where superiors are concerned. Power distance is very much part of the picture, and honorific terms and titles are expected. Such phrases as "*Your Excellency*" may be obligatory for government officials or members of a royal family. Courtesy is integral to business relations throughout the Middle East. Arabic, Turkish, Farsi, and other Middle Eastern languages contain many resources for polite speech, and when speaking the languages one should take advantage of this. Above all, it is important to convey a message that one enjoys the company of one's business partners [6]. The United States and Japan are perhaps the world's most extreme cases of low-context and high-context cultures, respectively. International travel and migration likewise fail to explain low-context and high-context behavior, even if they are factors. It is true that international airports are now well signed in most of the world.

Every cross-cultural business manual cautions Western negotiators that, in much of the world, "yes" does not necessarily mean yes, and "maybe" can mean no. "Yes" can be a way of indicating that one understands or acknowledges a proposal. If the proposal is unsatisfactory, the response is likely to be indirect, perhaps consisting of such statements as, "*we will think about it*". This kind of indirect speech relies on high-context communication to get the message across, but there is more involved than simply a tendency to engage in high-context communication. There is a desire to save face or otherwise avoid giving offense. Indirect speech occurs generally in situations where parties may disagree, not only in negotiation, but also when a decision is being discussed or conflicts must be resolved. Westerners tend to be frank in such settings. Parties who disagree state their views openly, because their differences are resolved by what are regarded as objective standards [7]. The winning view is the one backed by the stronger argument, spreadsheet calculations, or the logic of market forces. The losers may find their predicament unpleasant, but they are expected to subjugate their personal feelings to objective criteria. However, there is no such faith in objectivity. Life revolves around human relationships rather than what are seen as universal rules of logic. Because there is no independent standard by which to resolve conflicts, it is important not to give offense in the first place.

Low- and high-context communication styles are, at root, contrasting approaches to regulating behavior. One way to identify a low-context culture is that behavior norms are often communicated by putting them in writing rather than through personal enforcement. If one is not supposed to enter a particular area or smoke there, posted signs will let him know. In a high-context culture, there may be no signs, but a guard or employee may accost me if one breaks any of the rules. One may take offense at this, because in a Western country, being called down for bad behavior implies that I should have known better, and I normally cannot know better unless someone writes down the rules. But in high-context cultures, being corrected by other persons is a normal procedure for regulating behavior [8].

Whereas Westerners live in a world of rules and instructions and are lost without them, many others live in a social context. A Western or international airport is full of signs and display screens that direct passengers to the correct check-in counter and gate, update departure times, and so forth. However, if I enter a crowded departure lounge in a regional, non-Western airport, one may find no signs or displays to indicate which gate corresponds to which destination, or if the displays exist, they may be blank or incorrect [9].

There are clear implications for business communication. The role of bureaucracy in high-context cultures is an interesting issue and will be taken up later. Because company norms in a high-context culture must be communicated personally, close personal supervision is essential. Perhaps the most elaborate verbal cues for power distance are the grammatical inflections found in such languages as Japanese and Korean. Japanese has special word forms that show respect or reflect greater formality and politeness. Usage can also depend on whether one is addressing members of an in-group or an out-group. It is vital to observe these niceties in business, and companies may even train employees how to use proper language to show respect to customers or superiors. Korean culture is strongly age sensitive, and an age difference of a year or less may require deferential language from the younger party. Two classes of inflections are used: honorific inflections to show respect to the persons mentioned, and no fewer than seven “speech levels” to show different degrees of respect to the listener. Nearly every language has resources for showing deference, if not to the extent of Japanese or Korean, and these tend to be important in business settings [10].

Deference is also shown in body language. Well-known examples include low bows or lowered eyes in some Asian countries. While Westerners see direct eye contact as indicating honesty, it may be unconsciously interpreted as threatening in East Asia. Guide books for travelers in the Middle East frequently warn against crossing one’s legs, because pointing one’s foot toward another is presumably offensive. A more general principle is that a slouch or relaxed posture reflects the confidence of a highly-ranked person, while an upright seated posture with feet on the floor are seen as showing deference. In Turkey, subordinates may be expected to keep their coat jackets buttoned in the presence of a superior. People in rule-based cultures seek security and predictability by structuring their environment, and in particular by structuring their time. They tend to set aside a time slot for each activity, resulting in appointments and strict schedules. This kind of structuring can succeed only if people are reasonably punctual. Punctuality is not required as a stress-management tool in relationship-based cultures, but it can nevertheless mark rank.

References / Список литературы

1. *Adams P., Heaton B. & Howarth P. (Eds.).* Socio-cultural issues in English for academic purposes. London: Macmillan, 1991.
 2. *Archer C.M.* Culture bump and beyond. Cambridge: Cambridge University Press., 1986.
 3. *Bargiela-Chiappini F.* Asian business discourse. Part 1. Journal of Asia Pacific Communication, 2005.
 4. *Barnett G.A. & Lee M.,* 2002. Issues in intercultural communication research. In W.B. Gudykunst & B. Mody (Eds.), International and Intercultural Communication (2nd ed.). Thousand Oaks, California.
 5. *Bloor M. & Bloor T.* Cultural expectations and socio-pragmatic failure in academic writing. London: Macmillan, 1991.
 6. *Blue G.M. (Ed.).* Language, learning and success: Studying through English. London: Macmillan, 1993.
 7. *Bogorya D.* Agendas and arrangements: Everyday negotiations in meetings. Oxford, 1995.
 8. *Bowers R.,* 1992. Memories, metaphors, maxims and myths: Language learning and cultural awareness. ELT Journal. 46. 29-38.
 9. *Brislin R. & Yoshida T.,* 1994. Intercultural communication training: An introduction. Thousand Oaks. CA: Sage Publications.
 10. *British Council* Feeling at home: A guide to cultural issues for those working with Students in Higher Education (2nd ed.). London: The British Council., 1997.
-

HISTORICAL NOVELS OF D.S. MEREZHKOVSKY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE OF THE SILVER AGE

Khripunkova O.V. (Russian Federation)

Email: Khripunkova52@scientifictext.ru

*Khripunkova Oksana Vasilyevna - Senior Lecturer,
DEPARTMENT OF RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE,
SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS, SAINT-PETERSBURG*

Abstract: *the article analyzes the features and regularities of development of Russian culture of the Silver Age and their reflection in the historical novels of the outstanding representative of the Russian intelligentsia at the turn of the 19th and 20th centuries D.S. Merezhkovsky. The culture of Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries is characterized by such phenomena as "universal revaluation of values", the emergence of new artistic trends, the emergence of the idea of synthesis of arts, openness of the art of this period to the cultures of all times and Nations. All these aesthetic, religious and philosophical tendencies were reflected in the work of the famous philosopher, writer and publicist of the Russian Renaissance - D.S. Merezhkovsky.*

Keywords: *russian culture, the Silver Age, the Russian Renaissance, modernism, the synthesis of arts, historical novel, dialogue of cultures, world culture.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОМАНИСТИКА Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Хрипункова О.В. (Российская Федерация)

*Хрипункова Оксана Васильевна – старший преподаватель,
кафедра русского языка и литературы,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург*

Аннотация: *в статье анализируются особенности и закономерности развития русской культуры Серебряного века и их отражение в исторической романистике выдающегося представителя русской интеллигенции рубежа XIX–XX веков Д.С. Мережковского. Культура России конца XIX – начала XX веков характеризуется такими явлениями, как «всеобщая переоценка ценностей», появление новых художественных направлений, зарождение религиозной философии, возникновение идеи синтеза искусств, открытость искусства этого периода по отношению ко всем эпохам и культурам. Все эти основные эстетические, религиозные и философские тенденции нашли яркое выражение в творчестве известного мыслителя, писателя и публициста эпохи русского Ренессанса – Д.С. Мережковского.*

Ключевые слова: *русская культура, Серебряный век, русский Ренессанс, модернизм, синтез искусств, историческая романистика, диалог культур, мировая культура.*

Рубеж XIX–XX столетий – период нового взлета русской культуры. Это время переоценок и открытий, время коренных изменений в общественной жизни и в общественном сознании. На мировоззрение людей того времени влияли такие факторы, как ломка традиционных форм культуры, уход старой дворянской России с ее патриархальным жизненным укладом, стремительный процесс капитализации общества, назревание во всех сословиях революционных настроений.

М.М. Бахтин писал о том, что именно в лоне напряженной жизни на границах культурно-исторических эпох рождаются новые смыслы, и это способствует возникновению уникального и неповторимого миропонимания [2, с. 243]. Данное миропонимание, в свою очередь, лежит в основе функционирования художественного процесса эпохи.

Поэтому на рубеже XIX и XX столетий происходила смена доминирующего стиля культуры, мировоззренческого и художественного видения целого поколения. Назревала «некая обобщающая культурфилософская идея или модель, которая выражала бы сущность новой фазы культуры» [19, с. 53].

Н.А. Бердяев связывает это с пробуждением в России рубежа веков, во-первых, философской мысли, во-вторых, поэтического слова, в-третьих, эстетической чувствительности и, наконец, новой религиозности.

Одной из характерных особенностей русской культуры данного периода является формирование двоякого пути развития: реализма и декаданса, объединенных на современном этапе понятием «культура Серебряного века». Первый путь развития культуры сконцентрировал в себе традиции XIX в., эстетику передвижников и философию народничества. Второй путь был развит эстетствующей интеллигенцией, разорвавшей связь с разночинством. В кругах интеллигенции происходил переход к иному типу культуры, формировалось новое самосознание эпохи, его склонность к переосмыслению мироустройства, к размыванию устоявшихся понятий и представлений, к пророчествам, катастрофизму и духовному бунтарству. Истоки мировосприятия многих деятелей Серебряного века коренятся в неприятии нигилистических взглядов «шестидесятников» и в отрицании их утилитарных подходов к осмыслению роли духовного творчества [7, с. 77].

Новое поколение поставило во главу угла не гражданственность и пользу, а культ красоты и искусства. Г.В. Флоровский отмечает, что на рубеже XIX–XX веков возникает новая для русской культуры тенденция, связанная с повышением роли искусства, с «преодолением этики эстетикой» [15, с. 454.]. Д. В. Сарабьянов в основу характеристики стиля модерн также выдвигает именно эстетизм, культ красоты, называя красоту одной из основополагающих ценностей этого направления. «Нам представляется, – пишет он, – что именно эстетизм становится возбудителем нового стиля, и в нем следует искать основную причину художественных побуждений рубежа столетий. Красота превратилась во всеобщую, глобальную категорию, в предмет обожествления. Культ красоты становился новой религией» [14, с. 62.].

Одним из важнейших понятий новой культурно-исторической эпохи становится понятие творчества. Творчество во всех его проявлениях провозглашается высшей культурной ценностью, а ядром культуры выступает искусство и, в частности, литература. В связи с этим представляется значимым утверждение С. Л. Франка, что «глубочайшие и наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в совершенно иных формах – литературных...»

[18, с. 474]. Творчество начинает пониматься в широком смысле и распространяется на все сферы духовной деятельности. По утверждению А. Белого, «творчество есть процесс воплощения духа» [3, с. 303]. Оно рассматривается представителями Серебряного века как наиболее эффективный способ приближения к трансцендентному. Через творчество осмысливается действительность и место творца в ней.

С подобных же позиций интерпретируется искусство, которое становится формой свободного самоутверждения автора, откровением, неким прорывом в новые миры. Вобрав в себя самые различные традиционные художественные практики, искусство развивает или ниспровергает традиции, экспериментирует с формами, раздвигает свои привычные границы и вторгается в саму жизнь. Ему теперь отводится не только задача отражения прекрасного, но и преобразование действительности. Художник мыслится как посредник между миром материальным и идеальным, как пророк, Демиург, создающий «новое человечество» и «новую реальность».

Вопросы религии также с новой силой начинают волновать передовые умы Серебряного века. Философ Ф.А. Степун в мемуарах, посвященных Серебряному веку, выделяет следующие факторы духовного возрождения русской культуры: «возвращение русской интеллигенции в церковь», «протест возвращающихся против реакционно-синодального клерикализма» и «восстание нового символического искусства против тенденциозности и примитивного натурализма в литературе и живописи» [16].

И.В. Кондаков соотносит этот духовный подъем с попыткой творческой элиты Серебряного века вернуть «культуру-веру» [11, с. 166], которая, будучи утрачена в процессе секуляризации культуры и реформ Петра I, должна была возродиться в практиках неохристианства и «нового религиозного сознания».

Одновременно с философским переосмыслением традиционной религии в среде либеральной интеллигенции возникают различные богоискательские течения. Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус и другие деятели эпохи стремятся обновить культуру, политику и общественную жизнь, базируясь на трансформации христианства. Н.А. Бердяев в своей работе «Русская идея» писал об этих переменах как о «борьбе людей ренессанса против суженности сознания», «борьбе во имя свободы и творчества и во имя духа» [4, с. 191].

Важную роль в формировании культуры Серебряного века играла и общественность. Но не трактуемая узко, как в XIX веке, а рассматриваемая широко, как культурная, религиозная и политическая формация. Серебряный век создал свою особую социокультурную среду, в которой вопросы философии, истории, религии, культуры, искусства живо обсуждались, развивались, становились чертами сознания и мышления.

Культура Серебряного века отличалась синтетическим характером. Сформированная в эту эпоху культурная среда способствовала творческому сближению и переплетению всех сторон общественной и культурной жизни общества. На первый план в развитии общественной мысли и в утверждении новых идей на рубеже веков выходят теперь не публицисты и критики, а художники и философы, освобождающие мышление от политичности и социальности и сопрягающие общественность с философией и искусством.

Указанные процессы стали мощным стимулом для идейных исканий российской интеллигенции и содействовали началу небывалого подъема творчества, определенного Н.А. Бердяевым как «русский Ренессанс».

Особую актуальность в эту эпоху приобретает вопрос об отношении к наследию культур Запада и Востока, Античности и Возрождения, к своим собственным культурным корням. Об этом свидетельствует необычайная открытость искусства этого периода по отношению ко всем эпохам и культурам. Не случайно Д. Сарабьянов называет модерн как художественный стиль интернациональным или космополитическим стилем [14, с. 96.]. Во всеобъемлющем синтезе, порождавшем интерес к различным культурам прошлого, деятели Серебряного века видели переосмысление всего мироустройства. Ими предпринимается попытка создания новой культуры, нового философского мышления путем объединения западных и восточных начал на российской почве, путем восприятия и ассимиляции ценностей мировой культуры.

Межкультурный диалог, таким образом, позволял представителям Серебряного века не только выявлять основания и определенные черты другой культуры, но и способствовал самопознанию отечественной культуры [10, с. 192]. Диалог этот не был сосредоточен только внутри культурного пространства своего времени, реализовываясь в межличностном общении современников, но осуществлялся и как соприкосновение «человека культуры» Серебряного века с культурным наследием прошлых эпох. Обращение деятелей русского Ренессанса века к наследию прошлого было направлено на постижение первоначал, глубин бытия, на поиски вечности в преходящем [7, с. 85]. Исторические эпохи интересовали их не как склад «окаменелых ценностей» [8, с. 123], а как средоточие духовных истоков.

Обращение к эпохальным событиям и ярким личностям мировой истории и культуры служило творческой интеллигенции Серебряного века основанием для рефлексии по поводу современности. Н.А. Бердяев так сформулировал обращение деятелей русской культуры рубежа XIX–XX веков к мировым духовным истокам: «К слишком временному и тленному в прошлом нельзя вернуться, но можно вернуться к вечному в прошлом» [5, с. 412].

Особенности и закономерности развития культуры Серебряного века нашли свое яркое выражение в творчестве Дмитрия Сергеевича Мережковского – писателя, мыслителя, публициста, литературного критика. В культурно-философских воззрениях и художественном творчестве этого выдающегося представителя русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. сконцентрировались и явственно отразились многие характерные черты религиозно-философской и этической мысли Серебряного века, а также настроения, сомнения, интересы и эстетические идеи современной ему эпохи. В этом смысле рассмотрение такой репрезентативной фигуры русского Ренессанса позволяет глубже постичь закономерности развития культуры данного периода.

Произведения Д.С. Мережковского ярко отражают основные религиозные, философские и эстетические тенденции своего времени. В прекрасно прослеживается своеобразный диалог между культурой Серебряного века и культурами других эпох.

Внимательное изучение опыта рецепции культурных пластов прошлого в исторической романистике Мережковского позволяет заметить осознанный и вдумчивый подход автора к выбору материала, закономерность обращения к определенным эпохам и личностям и последовательность их интерпретации.

Мережковский в своих произведениях сознательно демонстрирует источники идей, под воздействием которых формировались его представления, вкусы, взгляды и мировоззрение. При написании своих исторических и биографических романов он использовал дневники выдающихся личностей прошлого и жизнеописания их современников. Он старался пройти по историческому пути своих «спутников», понять их, сблизиться с ними и в глубине веков найти ответы на вопросы, волнующие людей, живших на рубеже XIX-XX веков. Таким образом, обращаясь к истории, Мережковский пробуждал интерес к культурному наследию прошлого, создавал некий культурный «мост» между прошлым и современностью и затрагивал темы, актуальные для рубежа XIX – XX веков.

Мережковского – исторического романиста в равной степени интересует как отечественная культура, от Петровской эпохи до событий современности, так и зарубежная, от древнего Египта, Вавилона и Ассирии до св. Терезы Лизьеской. «В его работах свободно сосуществуют по одному сценарному императиву различные исторические эпохи, народы, контексты, конституируя некие межтемпоральные универсальные константы» [6]. Особенно же привлекают писателя переходные, драматические вехи истории, которые характеризуются жестким столкновением полярных мировоззрений и непримиримых жизненных позиций. В качестве исторического материала для своих произведений автор выбирает такие смутные эпохи, как древний Египет времени правления фараона Эхнатона, поздняя античность, Возрождение, переломные моменты русской истории. Культуры былых эпох являются для Мережковского не просто наследием прошлого. В его понимании это части единого вечного и безмерного пространства мировой культуры, части не прекращающегося ни на минуту творческого процесса человечества. Усвоение культурного опыта былых времен носит у Мережковского характер внутреннего творческого осмысления человеком самого себя, своего времени и своего места в глобальном культурном процессе, что является характерной чертой искусства Серебряного века. Мережковский признавался: «Большинство считает, что я исторический романист; и это глубоко неправильно; в прошлом я ищу будущее... Настоящее кажется мне иногда чужбиною. Родина моя - прошлое и будущее» [15].

Мыслитель и критик И.А. Ильин, говоря о выборе Мережковским исторических эпох для своих произведений, пишет, что писатель выбирает «суть неустойчивые, колеблющиеся времена соблазнов и туманов: двусмысленные и раздвоенные ... всюду, где эпоха смуты и соблазна, - там истинно вожаемое пастбище для Мережковского» [9]. Оценка критика в данном случае имеет негативный оттенок, но Ильин улавливает главную суть художественной концепции писателя – раздвоенность и антиномичность, которая, по мнению Н.В. Барковской, стала для Мережковского средством «осмысления действительности, отразила катастрофизм реальной исторической ситуации в России на рубеже веков» [1, с. 15].

Доминантную позицию в интеллектуально-художественном пространстве Мережковского занимают религиозные ориентиры. Весь культурно-исторический процесс определяется у него предвечным столкновением антиномичных сил добра и зла, духа и плоти, христианства и язычества. А выразителями векторных устремлений и ключевых идей мыслителя становятся центральные персонажи его исторических и биографических произведений.

В качестве примера можно привести императора Юлиана - персонажа первого романа Мережковского «Смерть богов (Юлиан-Отступник)», который является фигурой, знаковой для всего последующего творчества писателя.

Во времена окончательного угасания язычества и все более укреплявшего свои позиции христианства император Юлиан хочет повернуть историю вспять. Он делает попытку объединить империю под знаменем культа солнца и вернуть Риму былое величие: «Юлиан стал на колени перед знаменем и, простирая руки к серебряному изваянию, воскликнул: “Слава непобедимому Солнцу, владыке богов! Ныне поклоняется август вечному Гелиосу, Богу света, Богу разума, Богу веселия и красоты олимпийской!”» [13, с. 176]. Но христианский Рим уже не понимает и не принимает этих намерений Юлиана, видит в нем только Отступника и Антихриста: «Старый воин, набожный христианин, отвернулся и закрыл глаза рукою, чтобы не видеть этой мерзости. “Кошунство! – пролепетал он, бледнея. “Горе! – шепнул третий на ухо товарищу. – Император отступил от церкви Христовой” (...) Кто-то из солдат, в передних рядах, произнес так явственно, что Юлиан услышал и вздрогнул: “Антихрист!”» [13, с. 176].

Но мечты и надежды Юлиана разбиваются о суровую реальность: время нельзя повернуть вспять, история развивается по своим непреложным законам, и человек бессилен перед ними. «Последний эллин» Юлиан обречен на гибель, как и некогда великая, но ныне умирающая языческая культура. «Кончено...Ты победил, Галилеянин!» [13, с. 290] – это все, что Отступник сможет сказать перед смертью. Он признает свое поражение, признает, что олимпийские боги мертвы, и вернуть к жизни их уже невозможно. Мережковский сочувствует и симпатизирует главному герою своего романа, противопоставляя религию «галилеян» эллинскому мироощущению. Ведь сердце Мережковского, как и сердце Юлиана, на протяжении всей его жизни «щемила сладкая боль, тоска по Элладе – родине богов, родине всех, кто любит красоту» [13, с. 41].

Позже «духовными близнецами» Юлиана в поисках гармонии «духа» и «плоти» станут все главные персонажи исторических и биографических произведений Мережковского: Леонардо да Винчи, Петр I, Александр I, Рылеев, Пестель, Наполеон, Франциск Ассизский, Жанна д'Арк, Августин, Павел, фараон Эхнатон, Лютер, Кальвин, святая Тереза Авильская, святой Иоанн Креста и, наконец, героиня последнего неоконченного романа – Маленькая Тереза Сердца Иисусова. «На протяжении всего творческого пути Мережковским созидался грандиозный пантеон Героев моделируемой метаистории, в который на равных правах входили исторические личности, художники, ученые, церковные реформаторы, официально канонизированные святые, которые наделялись функцией презентации его идей» [8].

В очерке о Марке Аврелии Мережковский пишет: «Быть может, нет в истории ничего трогательнее, чем тяготение друг к другу, бескорыстная духовная связь, соединяющая мыслителей, разделенных веками» [12, с. 49]. А основой для такой духовной связи мыслителей разных эпох и поколений являются, по мнению автора, тоска по мировой гармонии, внутренняя тревога и неустанные поиски вселенского единства. Именно эти приметы объединяют всех главных персонажей Мережковского друг с другом, с самим автором и с другими представителями Серебряного века русской культуры.

Список литературы / References

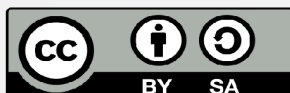
1. Барковская Н.В. Поэтика символического романа. Екатеринбург, 1996. 285 с.

2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х - начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 730 с.
3. *Белый А.* Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с.
4. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. DirectMEDIA, 1946. 259 с.
5. *Бердяев Н.А.* Новое средневековье // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, Лига, 1994. Т. 2.
6. *Васильев В.Е.* Метаисториософия Д.С. Мережковского // Русская и европейская философия: пути схождения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/vasilev-ve/metaistoriosofiya-ds-merezhkovskogo/> (дата обращения: 14.04.2018).
7. *Воскресенская М.А.* Символизм как мировидение Серебряного века: Социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX-XX веков. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2003. 226 с.
8. *Иванов В.И.* Родное и вселенское / Сост., вступит. ст. и прим. В.М. Толмачева. М.: Республика, 1994. 427 с.
9. *Ильин И.А.* Мережковский – художник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://merezhkovsky.ru/about/ilyin_merezhkovsky-hudozhnik.html/ (дата обращения: 14.04.2018).
10. *Коблова О.А., Молчанова О.Е.* Межкультурный диалог – самопознание собственной культуры посредством выявления особенностей чужой. // Исследования мира и миротворческий дискурс в системе образования: III международ. конф. (23 – 25 сентября 2008 г.). Томск: Дельтаплан, 2008. С. 186-192.
11. *Кондаков И.В.* Культурология: история культуры России: Курс лекций. М.: ИКФ Омега-Л, Высш. шк., 2003. 616 с.
12. *Мережковский Д.С.* Марк Аврелий. // Мережковский Д.С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. 416 с.
13. *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан-Отступник) // собр. соч.: В 4 т. М.: Издательство «Правда», 1990. Т. 1. 591 с.
14. *Сарабьянов Д.В.* Модерн. История стиля. М.: Галарт, 2001. 344 с.
15. *Седых А.* У Д.С. Мережковского // Звено, 1925. 16 марта.
16. *Степун Ф.А.* Россия накануне 1914 года // Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Т. 1. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1956. 396 с.
17. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Киев: Путь к истине, 1991. 602 с.
18. *Франк С.Л.* Русское мировоззрение // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
19. *Хорунжий С.С.* Трансформация славянофильской идеи в XX в. // Вопросы философии, 1994. № 11. С. 54-59.

**II INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE
INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW
OF THE PROBLEMS OF PHILOLOGY,
CULTURAL STUDIES AND ART HISTORY
Boston. USA. April 27-28, 2018
[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)**

**COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES
PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS**

You are free to:

Share — copy and redistribute the material in any medium or format

**Adapt — remix, transform, and build upon the material
for any purpose, even commercially.**

Under the following terms:

**Attribution — You must give appropriate credit,
provide a link to the license, and indicate if changes were made.**

**You may do so in any reasonable manner,
but not in any way that suggests the licensor endorses you or your use.
ShareAlike — If you remix, transform, or build upon the material, you must
distribute your contributions under the same license as the original.**

**ISBN 978-1-948507-18-9
INTERNATIONAL CONFERENCE**

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA